

На правах рукописи

МЕДВЕДЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Департамент полиции и рабочий вопрос (1901-1904 гг.)

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре Истории России XIX – начала XX веков Исторического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Гайда Федор Александрович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Тютюкин Сергей Владимирович
(Институт Российской Истории РАН)

доктор исторических наук, ведущий специалист
Перегудова Зинаида Ивановна
(Государственный Архив Российской Федерации)

Ведущая организация: Московский Педагогический Государственный
Университет.

Защита диссертации состоится 2010 г в часов на заседании
Диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском Государственном Университете им.
М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4,
ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М.В.
Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

Автореферат разослан 2010 г.

Ученый секретарь Диссертационного
совета, доктор исторических наук

Г.Р. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и предмет исследования. Политика различных полицейских учреждений в рабочем вопросе накануне Первой Русской революции представляет исключительно важный интерес для изучения истории сыска и развития рабочего движения. Накануне революционных потрясений 1905 г. именно рабочий вопрос был определяющим для общественно-политической жизни страны. Именно в это время в правительство поступают различные проекты по нормализации трудового процесса на промышленных предприятиях, создаются межведомственные комиссии для их обсуждения, пресса проводит кампании в поддержку тех или иных законопроектов. В создавшихся условиях не мог не активизироваться и Департамент полиции, руководство которого поощряло инициативу на местах. Результатом этого стало начало эксперимента «легализации рабочего движения», автором которого был начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов. Параллельно Министерство финансов, в лице его руководителя С.Ю. Витте, проводило линию на усиление роли фабричной инспекции. Фабричное управление также имело свой взгляд на проводящиеся законопроекты и через свои объединения пыталось воздействовать на ситуацию. По всем признакам предреволюционное время носило переходный характер: перестраивалась экономика, вносились изменения законодательного характера, менялись ментальные особенности отдельных профессиональных групп. Дополняли картину очевидные кризисные явления в промышленности, отражавшиеся, прежде всего на рядовых рабочих, становившихся более подверженными революционной пропаганде. Нельзя не отметить ряд схожих черт с современностью: отсутствие приемлемой обществом государственной идеологии, внятной правительственной политики в рабочем вопросе, шаткое экономическое положение «рабочих низов».

Степень изученности проблемы. Попытки анализа политики Департамента полиции в рабочем вопросе и связанные с ним исследования эффективности фабричной инспекции начались по горячим следам. В первую очередь неудавшийся опыт легализации рабочего движения, а также потребности и требования членов обществ взаимопомощи интересовали профессоров и приват-доцентов Московского университета, читавших им лекции.¹ Ряд авторов изучали фабрично-заводское законодательство и его противоречия.²

¹ Анофриев В.И. Основные вопросы деятельности потребительских обществ. М., 1902; Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906.

² Лавринович Ю. Рабочие союзы. СПб., 1905; Лосев В. Профессиональные союзы. М., 1906; Миклашевский А.Н. Стачки и социальный вопрос. Право стачек. СПб., 1905; Синицкий Е.О. О профессионально-политических союзах. М., 1906.

Непосредственно легализации рабочего движения посвящены публицистические работы М. Григорьевского и А. Морского.³

В 1920-е гг. начали выходить труды, рассматривавшие общества взаимопомощи рабочих в региональном аспекте.⁴ В своих исследованиях авторы пытались доказать тезис о неотвратимости революционного развития страны. В первое советское десятилетие в научной среде не угасал интерес к изучению экономических объединений рабочих, что также представляет важность в контексте темы диссертации.⁵ Новый историографический этап наступил в 1950-60-е гг., когда исследователи рабочего движения занимались как общими вопросами данной тематики, так и более специальными. К первой группе можно отнести работы И. Угарова, Д. Куцента, Ю. Кучинского, А.Г. Рашина.⁶ Их труды носят обобщающий характер и написаны с широким привлечением статистического материала. Однако ученых интересовали и такие частные вопросы, как формирование рабочей аристократии, страхование, жизненные и бытовые условия фабричного населения.⁷ С развитием отечественной исторической науки на первый план вышло комплексное изучение проблематики рабочей политики Департамента полиции.⁸

Современный период развития историографии характерен стремлением авторов отойти от традиционных для советского времени однозначных оценок исследуемого явления.⁹ Стоит также отметить работу А.Ю. Володина, в которой анализу подвергся личный состав фабричной инспекции, была затронута такая недостаточно исследованная тема, как посредническая деятельность фабричных инспекторов.¹⁰

³ Григорьевский М. Полицейский социализм в России. М., 1906; Морской А. Зубатовщина. М., 1913.

⁴ Заславский Л. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923; Айнзафт С.С. Рабочее движение в России до 1905 года; Бухбиндер Н.А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926; Козьмин Б.П. Рабочее движение в России до 1905 года. М., 1925.

⁵ Клейнборг Л.М. История безработицы в России 1857-1919. М., 1925; Гершензон Э. Пролетарские кассы взаимопомощи. Л., 1927; Тюменев А. Очерки истории экономического быта. Пг., 1923; Рабинович А.И. Труд и быт рабочих. М., 1923; Милютин Н.П. Накануне первой революции в Москве. М.-Л., 1926.

⁶ Нестеренко А.А. Очерки истории промышленности и положение пролетариата Украины в конце XIX – начале XX века. М., 1954; Куцентов Д. Петербургский пролетариат в 90-х гг. 19 века // История рабочего класса Ленинграда. Л., 1963. Вып. 2; Кабанов П.И., Ушаков А.В., Лескова Л.И. Пролетариат во главе освободительного движения в России 1895-1917 гг. М., 1971; Кучинский Ю. История положения рабочего класса при капитализме. Мировой обзор. М., 1970; Очерки истории российского пролетариата. М., 1963; Гусятников П.С. Назревание революционного кризиса в России в начале XX века. М., 1959; Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958.

⁷ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979; Тютюкин С.В. О некоторых особенностях «рабочей аристократии» в России // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. Ч. 2. Одесса, 1967; Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России XIX – начала XX века // Труды ЛОКИ АН СССР. 1971. Вып. 12; Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979.

⁸ Лаврычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в 1861-1917 гг. М., 1972; Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. М., 1974; Кризис самодержавия в России. 1895-1917 гг. Л., 1984.

⁹ Лурье Ф. Полицейские и провокаторы М., 1992; Ушаков А.В. Рабочий класс и рабочее движение в Москве в кон. XIX – нач. XX века. М., 2003.

¹⁰ Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России, 1882-1914 гг. М., 2009.

Начиная с 1917 г. стали выходить и первые работы по организации деятельности охранных отделений.¹¹ Авторами первых исследований были члены комиссии по разбору документов Департамента полиции, охранных отделений, губернских жандармских управлений. В этих работах, не имевших строго научного характера, можно найти классификации секретных сотрудников, описание методов, применявшихся органами политической полиции в контроле за неблагонадежными лицами.

В последующие полвека историки не обращались к исследованию структуры и истории Департамента полиции, так как сама по себе тема не была актуальной. Положение изменилось в 1970-80-е гг., которые отмечены увеличением интереса к различным аспектам сыскной деятельности полиции дореволюционной России. Ученые изучали историю, структуру, кадровый состав Департамента полиции, охранных отделений, губернских жандармских управлений. Новаторский подход в исследовании проблем развития органов полиции присутствует в монографии Д.И. Шинджикашвили. Он рассмотрел внутреннюю и внешнюю агентуру политической полиции и в результате проделанной работы предложил свою классификацию агентуры.¹² В 1980-е гг. вышли первые серьезные научные работы о Департаменте полиции. Прежде всего, следует отметить диссертационные исследования Л.И. Тютюнник, З.И. Перегудовой и Ю.И. Овченко, в которых обозревалась структура департамента и выявлялись особенности борьбы революционного движения с сыскными мероприятиями полиции.¹³

В 1990-е и 2000-е гг. выходили научные сборники, посвященные памяти различных ученых, международным конференциям и определенным проблемным темам. В этих сборниках содержатся статьи, которые имеют непосредственное отношение к нашей тематике. Их характерной особенностью является стремление найти доселе непроработанные сюжеты в истории рабочего движения.¹⁴ Современный период отмечен

¹¹ Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917; Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. Б.м., 1919; Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранных отделений во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9-10.

¹² Ярымыш А.Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976; История полиции дореволюционной России. [Сб. док.] под ред. В.М. Курицына. М., 1981; Мулукаев Р.С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.

¹³ Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением на рубеже XIX-XX веков. М., 1986; Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема). М., 1988; Овченко Ю.И. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением. М., 1989.

¹⁴ Потолов С.И. Из истории манифеста 17 октября 1905 г: кто стоял за кулисами событий // Рабочие-предприниматели-власть в XX веке. Кострома, 2005; Бородкин Л.И. Динамика реальной зарплаты рабочих в период дореволюционной индустриализации // Там же; Новиков А.В. Власть и предприниматели в регулировании трудовых конфликтов периода первой российской революции // Там же; Ольховский Е.Р. Формирование рабочей интеллигенции в России в конце 19 - начале 20 века // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 - февраль 1917. СПб., 1997; Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России

повышенным интересом к исследованию органов дореволюционной полиции. Издавались как публицистические работы, отличавшиеся широтой тематики и нередко игнорированием источниковой базы, так и специальная литература, в которой рассматривались различные аспекты сыскной деятельности. Такие авторы, как Э.Ф. Макаревич, С.О. Гонюхов, В.Г. Джанибемян и Н.Г. Сысоев, занимались историей полиции через призму судеб ее руководителей, а также наиболее заметных сюжетов, связанных с организацией сыска.¹⁵ Одним из наиболее основательных исследований по истории Департамента полиции в период с 1880 по 1917 г. является монография З.И. Перегудовой «Политический сыск России», вышедшая в 2000 г. В отдельной главе анализируется деятельность Особого отдела – «ключевой структуры Департамента полиции, начиная со второй половины 90-х годов». В числе заслуг С.В. Зубатова З.И. Перегудова называет создание московской школы филеров, собственной секретной агентуры, воспитание целого поколения специалистов политического сыска.¹⁶

Таким образом, в историографии легального рабочего движения были рассмотрены вопросы структуры обществ взаимопомощи, их взаимосвязи с охранными отделениями, а также основной деятельности обществ. В то же время недостаточно проработаны такие сюжеты, как взаимоотношения обществ и фабричной инспекции, деятельность комиссии по устройству общеобразовательных чтений, соответствие уставной документации деятельности обществ. Тема роли Департамента полиции в реализации законопроектов о рабочем страховании и фабричных старост не получила должного освещения.

Источниковая база работы. Архивные и опубликованные источники по теме можно разделить на 4 группы: 1) источники законодательного характера; 2) документы официального делопроизводства; 3) документы личного происхождения; 4) периодика.

Первую группу составляют законодательные акты, опубликованные в 3-м издании Полного собрания законов Российской империи. Эти материалы позволяют определить основные меры, которыми власть пыталась обеспечить порядок в государстве, и общее содержание охранительной политики по рабочему вопросу.

Вторая группа представлена полицейскими материалами и документами рабочих обществ. Основной массив составили материалы официального делопроизводства Московского охранного отделения (ГАРФ. Ф. 63) и Особого отдела Департамента полиции

(конец 19 – начало 20 века) // Там же; Потолов С.И. Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905-1907 гг. // Там же; Политический сыск в России. История и современность. СПб., 1997.

¹⁵ Гонюхов С.О. Российская полиция в мундире. М., 2000; Макаревич Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М 2002; Джанибемян В.Г. Провокаторы и охранники. М., 2005; Сысоев Н.Г. Тайный сыск России: от жандармов до чекистов. М., 2005; Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

¹⁶ Перегудова З.И. Политический сыск в России. М., 2000. С. 75.

(ГАРФ. Ф. 102). Они дают возможность проанализировать основные направления политики Департамента полиции в рабочем вопросе, определить позицию тех или иных должностных лиц по широкому кругу разбираемых вопросов. К этой группе источников относятся письма С.В. Зубатова и Д.Ф. Трепова главе Особого отдела и директору Департамента полиции, секретным сотрудникам, их резолюции по ходатайствам рабочих обществ, докладные записки и записки для памяти, распоряжения генерал-губернатора и губернатора Москвы, министров внутренних дел и финансов, различные проекты по рабочему вопросу, агентурные сведения. В фонде Департамента полиции содержатся также материалы 6-го делопроизводства с документами по созывавшимся в первые годы XX в. межведомственным совещаниям: резолюциями, циркулярами, а также перепиской между чиновниками Министерства внутренних дел и Министерства финансов.

Документы полицейских рабочих обществ включают: 1) программные документы (программу и устав общества взаимопомощи); 2) документы, относящиеся к деятельности Комиссии по устройству общеобразовательных чтений (программа Комиссии, подборки газетных статей о затевавшихся и проводящихся чтениях, отзывы и комментарии); 3) документы делопроизводства обществ взаимопомощи (прошения, ходатайства, письменные обращения Советов рабочих обществ на имя администрации города Москвы); 4) письма секретных сотрудников к С.В. Зубатову (ГАРФ. Ф. 1695 – личный фонд С.В. Зубатова). Этот комплекс источников позволяет судить об эволюции деятельности рабочих обществ С.В. Зубатова, нуждах их членов, проводившихся для них мероприятиях, финансовых операциях касс взаимопомощи и потребительских лавок, причинах внутреннего разложения обществ. В 1920-е годы в журнале «Красный архив» профессор С.А. Пионтковский опубликовал источники о легализации рабочего движения в Минске, Одессе и Вильне.¹⁷ К этой же группе можно отнести документы, связанные с деятельностью С.В. Зубатова, которые в 2009 г. в журнале «Вопросы истории» начал публиковать Ю.Ф. Овченко: программные записки начальника Московского охранного отделения, его письма сотрудникам Департамента полиции, внутренний анализ мероприятий в рамках легализации рабочего движения.¹⁸

Обширную и разнообразную информацию предоставляют относящиеся к *третьей группе* мемуары. Особую важность для раскрытия темы имеют воспоминания представителей государственного аппарата, деятелей политического сыска. Они позволяют раскрыть особенности борьбы различных политических сил в правительстве и Департаменте

¹⁷

Пионтковский С.А. Новое о зубатовщине // Красный архив. Т. 1. М., 1922.

¹⁸

Овченко Ю.Ф. Хмурый полицейский. Карьера С.В. Зубатова. // Вопросы истории. № 5-8. М., 2009.

полицейской.¹⁹ В нескольких номерах «Гражданина» за 1906 и 1907 гг. вышли статьи и письма на различные политические темы бывшего главы Особого отдела Департамента полиции С.В. Зубатова.²⁰ В журнале В.Л. Бурцева «Былое» были опубликованы фрагменты воспоминаний М.Е. Бакая, С.В. Зубатова, доклад последнего на имя директора Департамента полиции.²¹ В целом, имеющиеся воспоминания о политике С.В. Зубатова в рабочем вопросе предоставляют оценки и фактический материал противоположных по убеждениям деятелей государственного аппарата и полицейского сыска. Однако, несмотря на диаметрально противоположность высказываемых ими взглядов, информативность рассматриваемых сочинений недостаточна. При работе с этими источниками учитывался субъективизм авторов воспоминаний, их политическая и гражданская позиции.

Из периодической печати дореволюционного времени, составившей *четвертую группу источников*, использованы как подцензурная печать – «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Русское слово», «Новое время» – газеты, в которых регулярно печатались материалы о рабочем вопросе в России, так и «Искра» – голос радикальной оппозиции.

Представленные источники, как опубликованные, так и неопубликованные, позволяют проанализировать эволюцию рабочей политики министерств внутренних дел и финансов до периода Первой русской революции. Министерские циркуляры и делопроизводственные документы охранных отделений информируют о направлениях правительственной мысли в рабочем вопросе, периодика отражает чаяния общественности в ответ на инициативы чиновников, а воспоминания современников исследуемого периода дополняют и конкретизируют создающуюся картину.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – на основе опубликованных и неопубликованных источников проанализировать направления политики Департамента полиции в рабочем вопросе в 1901-1904 гг. Задачами исследования стали: анализ обсуждения рабочего вопроса в правительственных кругах в данный период, выявление межведомственного конфликта Министерства внутренних дел и Министерства финансов на почве легализации рабочего движения, эволюции рабочей политики Департамента полиции,

¹⁹ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // Охранка. М., 2004. Т. 2.; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // Там же; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991; Бакай М.Е. Из воспоминаний // Былое. 1909. № 11-12; Зубатов С.В. «Зубатовщина» // Былое. 1917. № 4 (26); Доклад чиновника особых поручений 5 класса при Департаменте полиции Зубатова директору Департамента полиции от 4 октября 1903 г. // Былое. 1917. № 1 (23); Витте С.Ю. Воспоминания в трех томах. М., 1994; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.

□ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 1. М., 1992.

²⁰ Гражданин. 1906. № 3, 19, 82, 87; 1907. № 61-62, 69-70, 73.

²¹ Бакай М.Е. Из воспоминаний // Былое. 1909. № 11-12; Зубатов С.В. «Зубатовщина» // Былое. 1917. № 4 (26); Доклад чиновника особых поручений 5 класса при Департаменте полиции Зубатова директору Департамента полиции от 4 октября 1903 г. // Былое. 1917. № 1 (23).

опыта легализации в наиболее важных для нее центрах (Москве, Минске, Одессе), оценок этого опыта в чиновничьих и общественных кругах. Рабочие общества священника Георгия Гапона в Петербурге в диссертации не рассматриваются, так как их деятельность не направлялась Департаментом полиции.

Объектом исследования являются органы и сотрудники политического сыска, а также организованные ими структуры в рабочей среде. **Предмет исследования** – политика Департамента полиции по рабочему вопросу, ее цели, принципы, эволюция, оценки.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая грань работы определяется началом экспериментальной политики Департамента полиции в рабочем вопросе и организацией обществ взаимопомощи, верхняя – ее сворачиванием, фактическим завершением деятельности обществ и возвращением правительства к мерам, которые предпринимались до 1901 г.

Научная новизна исследования обусловлена подходом к изучаемой проблеме: автор постарался систематизировать различные аспекты политики Департамента полиции по рабочему вопросу в 1901-1904 гг., выявить ее принципы и эволюцию; большое внимание уделялось личностному анализу. Не обойдены вниманием вопрос взаимодействия фабричной инспекции и полиции и, как следствие, непростые взаимоотношения Министерства внутренних дел и Министерства финансов, в ведомствах которых находились данные институты. В работе также активно использовались источники, ранее не введенные в научный оборот.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения проблем Отечественной истории начала XX века, при создании обобщающих исследований по истории Департамента полиции, а также при разработке общих и специальных курсов.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX вв. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 21 сентября 2009 г. Основные положения диссертации были изложены автором в ряде публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется проблематика, цель и задачи исследования, дается характеристика литературы и источников.

Глава 1. Обсуждение рабочего вопроса в правительственных кругах. В главе раскрывается роль Министерства финансов в подготовке проектов решения рабочего вопроса, анализируются межведомственные совещания 1901-1902 гг. и их последствия в виде министерских циркуляров.

На протяжении всего XIX в. происходил процесс развития отечественной промышленности и постоянно возраставший приток в города рабочей силы, в большинстве своем состоявшей из бывших крестьян. Однако правительство предпочитало не замечать формирование новой социальной группы, численность которой в условиях потребности в большом количестве работников на фабриках и заводах на рубеже XIX-XX вв. стремительно увеличивалось. Департамент полиции руководствовался одними и теми же методами в проведении розыскных и карательных мероприятий в отношении крестьян и рабочих. Чиновники охранных структур империи переносили свое представление о консервативности крестьян на рабочих. Долгое время среди них бытовало мнение о том, что рабочий, как бывший крестьянин, не имеет высоких запросов, а потому правительству не стоит опасаться организованных форм протеста. Революция и народ в силу природной патриархальности последнего признавались понятиями несовместимыми. Исходя из такого восприятия общественно-политической жизни, Департамент полиции широко пользовался аппаратом насилия – по выражению революционеров, «кнутом и нагайками» – для подавления отдельных стачек. Поскольку в России «рабочего вопроса не было», то, проводя полицейские мероприятия, власти не задумывались об их вероятных последствиях. «Момент истины» настал в 1896-1897 гг., когда массовые забастовки текстильщиков столицы обратили на себя серьезное внимание правящих кругов. Правительственная концепция о неразвитости и патриархальности рабочих, не способных централизованно бороться за свои права, была признана ошибочной. В результате этого последние годы XIX в. были отмечены регулярным проведением совещаний, на которых правящая бюрократическая элита пыталась выработать единое направление в решении рабочего вопроса. После нескольких лет бесплодных дискуссий на рассмотрение правительства стали поступать проекты разных

должностных лиц, которые повлияли на принципиальное изменение политического курса в отношении рабочего класса.

В 1901 г. товарищ министра внутренних дел генерал-майор князь П.Д. Святополк-Мирский возглавил межведомственную комиссию, целью которой было расследование причин участвовавших в Санкт-Петербурге беспорядков с участием рабочих бумагопрядильных, бумаготкацких и ниточных фабрик. По итогам расследования министр внутренних дел Д.С. Сипягин издал секретный циркуляр, который был разослан всем губернаторам страны. Предполагалось, что именно они станут координировать сообщение между всеми инстанциями, так или иначе задействованными в решении рабочего вопроса: фабричной и горной инспекцией, начальством казенных заводов и железнодорожных мастерских, прокурорским надзором, жандармскими управлениями губернских и железнодорожных полицейских. Помимо указаний губернаторам, в циркуляре давались предписания органам полиции. Важно отметить, что в шести пунктах, касающихся деятельности полиции, нет ни слова о легальных рабочих обществах, которые в это время были довольно заметным явлением в общественной жизни России.²² Озабоченность властей состоянием рабочего вопроса имела место на фоне обостряющихся недоразумений между московской полицией и фабричной инспекцией. Министр финансов С.Ю. Витте, в ведомство которого входила фабричная инспекция, считал, что постоянные конфликты происходят из-за вмешательства в деятельность инспекции агентов полиции в лице рабочих Общества взаимопомощи в механическом производстве. Обер-полицмейстер г. Москвы Д.Ф. Трепов высказывался очень категорично, предлагая полиции отстраниться от фабричной инспекции и действовать, фактически не замечая ее присутствия. Служебные обязанности фабричной инспекции Трепов предлагал распределить между инженерами-технологами, которые бы помогали чинам полиции в осмотре предприятий. Несмотря на неоднократно созывавшиеся совещания, Министерство финансов в свою очередь через фабричную инспекцию продолжало проводить свою линию в рабочем вопросе.

Многочисленные и разнообразные проблемы, окружавшие полицию и инспекцию, не позволили достичь отлаженной деятельности в решении рабочего вопроса. Хаос и путаница полномочий, неясное понимание чинами инспекции и полиции законодательства, коррумпированность нижних слоев и непростые взаимоотношения среди высших – все это ложилось непреодолимым грузом на оба учреждения. Совещания, созывавшиеся для того, чтобы решить эти проблемы, ни к чему не приводили, так как на местах просто не могли выполнить их резолюции. Губернатор не мог проконтролировать разветвленный аппарат

²²

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 6-е д-во. Оп. 1901. Д. 35. Л. 17.

занимавшихся рабочим вопросом органов, фабричный инспектор был не в состоянии воздействовать на обозленных рабочих путем «разъяснений», а сыскные мероприятия полиции ни к чему не приводили. Это создавало недовольство полиции инспекцией и наоборот, а, в конечном счете, недовольство рабочих существующей системой. Непонимание и недоразумения, существующие между учреждениями, были на руку политической оппозиции, которая использовала их в собственных целях.

Глава 2. Легальные рабочие общества в Москве. В главе рассматриваются судьбы и психологические черты сотрудников Московского охранного отделения, а также агентов полиции в рабочей среде. Особое внимание уделяется внутренним проблемам полиции в первые годы XX в. Анализируются идейная основа, уставная документация, структура и деятельность обществ взаимопомощи. Отдельный параграф посвящен газетным публикациям о легальном рабочем движении.

Политика попечения нашла своего приверженца и активного проводника в лице начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова, рьяно взявшегося за дело. Организовав общества взаимопомощи в различных производствах, Зубатов преследовал цель отвлечения рабочих масс от контактов с представителями оппозиционных правительству движений. Для этого, согласно его убеждениям, правительство должно было поддерживать инициативы рабочих в развитии касс взаимопомощи и потребительских лавок. Собственные финансовые вложения должны были объединить рабочих, а также стимулировать их интерес к экономической деятельности. Лекции на интересующие рабочих темы и семейно-танцевальные вечера были призваны внушить рабочим мысль о том, что власть занимается ими и думает об улучшении их быта. К задуманной легализации рабочего движения Московское охранное отделение привлекло профессоров Московского университета, принявших непосредственное участие в выработке устава и проведении лекций о кассах взаимопомощи и потребительных обществах. Политика легализации в первый год основания полицейских рабочих обществ проводилась в строгом соответствии с упоминавшимися выше проектами. Рабочие под руководством опытных специалистов устраивали кассы, организовали потребительские лавки, проводили беседы о несовершенстве производственных отношений. Они впервые получили возможность обсуждать свои проблемы и обращаться с жалобами в советы обществ, которые в случае конфликта сторон, ходатайствовали в московскую администрацию о принятии мер к их разрешению. Таким образом, рабочие общества С.В. Зубатова, в процессе развития все более становившиеся похожими на профсоюзы, составили прямую конкуренцию деятельности фабричной инспекции. Это предопределило отрицательное отношение к легализации рабочего движения

со стороны Министерства финансов, руководившего деятельностью фабричной инспекции. Несмотря на то, что имелись объективные предпосылки синхронизации деятельности рабочих обществ и фабричной инспекции, Министерство финансов заняло принципиальную и бескомпромиссную позицию в отношении политики С.В. Зубатова. На совещаниях фабричные инспекторы как один отчитывались о том, что члены легальных рабочих обществ мешают выполнять возложенные на них законом обязанности. Даже в тех губерниях, где таких обществ еще не было, фабричные инспекторы проявляли серьезную обеспокоенность возможностью проникновения экспериментальных организаций на подотчетную им территорию. Это было связано с циркулярной политикой министра финансов С.Ю. Витте, который неоднократно оповещал инспекторов о том, что члены легальных рабочих обществ представляют конкуренцию их профессиональной деятельности.

Большой проблемой для Московского охранного отделения было также хроническое безденежье, осложнявшееся непростыми взаимоотношениями начальника МОО С.В. Зубатова с московским обер-полицмейстером Д.Ф. Треповым.²³ Путаница в разграничении сфер деятельности рождала конфликты, которые в дальнейшем отразились на эффективности работы московской полиции. Должностные полномочия С.В. Зубатова явно не соответствовали размаху его планов, а любые начинания и мероприятия он был обязан согласовывать с далеко не всегда сговорчивым Д.Ф. Треповым.

В апреле 1901 г. совместными усилиями приват-доцентов И.Х. Озерова и В.Э. Дэна, а также группы рабочих был выработан устав Московского общества вспомоществования рабочих в механическом производстве. Целями общества провозглашались «оказание помощи действительным членам и их семьям путем выдачи возвратных и безвозвратных денежных пособий».²⁴ Администрация Московского общества вспомоществования рабочих в механическом производстве состояла из правления, ревизионной комиссии и общего собрания. Правление состояло из восьми членов и восьми кандидатов, избираемых общим собранием из числа действительных членов на год. Правление избирало из своей среды председателя, его товарища, казначея и собиралось для занятия делами общества не менее одного раза в неделю. Администрация Москвы на первых порах очень пристально следила за характером совещаний и лекций Общества, и, в случае, малейших отклонений от устава немедленно проявляла свое недовольство. К началу осени Московское охранное отделение решило, что его агенты среди рабочих прошли достаточную школу и могут самостоятельно проводить собрания в нужном духе.

²³ Там же. Оп. 1898. Д. 2 Ч. 1 л. В. Л. 38.

²⁴ Там же. Оп. 1901. Д. 404. Л. 3.

По реакции газет можно проследить отношение власти к легальным рабочим организациям – от сдержанно заинтересованного до подчеркнуто равнодушного. Если весной 1901 г. газеты с энтузиазмом восприняли начало деятельности обществ взаимопомощи, то с течением времени оптимизм сменился на настороженность, а настороженность, в свою очередь, на игнорирование. Дискуссии рабочих, публикуемые в центральных газетах, явно не способствовали успокоению накалившегося положения на фабриках. Поддержанные первое время влиятельными газетами, рабочие ощутили моральное право говорить о проблемах и требовать их решения. Такая позиция не могла встретить понимания у представителей властных институтов, из-за чего кампания прессы в их поддержку была свернута. Уже с осени 1901 г. в газетах перестали печататься подробные отчеты о собраниях общества взаимопомощи. Их заменили лаконичные сообщения о том, что в определенный день состоялась лекция, указывалась ее тема и фамилия лектора.

Глава 3. Трансформация принципов рабочей политики в 1903-1904 гг. Глава посвящена деятельности Комиссии по устройству общеобразовательных чтений, разительно изменивших общественно-экономический облик легальных рабочих организаций. В связи с этим, рассматриваются причины фактической ликвидации обществ взаимопомощи.

Уже с конца 1901 – начала 1902 гг. фактически пустым звуком стал и устав обществ взаимопомощи, где большая часть пунктов была посвящена кассам взаимопомощи и потребительским лавкам, которые с уходом «отцов-наставников» рабочих быстро приходили в упадок. Все меньше влияния имели организованные Советы рабочих, а также Генеральный совет, призванные разрешать конфликтные ситуации между фабрикантами и рабочими, возникавшие на почве несоблюдения одной из сторон статей Устава о промышленности. Постоянные отказы в решении заявленных проблем постепенно приводили рабочих к разочарованию новой формой организации. Это, в свою очередь, вело к обострению конфликтов между рабочими легальных организаций. Активной деятельности легальных рабочих обществ также сильно мешала агитация революционных партий. В 1902 г., уже после перевода С.В. Зубатова в Петербург на должность заведующего Особым отделом Департамента полиции, секретарь Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве писал ему: «Теперь мы идем наугад, по инерции ... А вокруг мрак ... горизонт обложили тучи, но мы хоть и очутились в безвыходном положении, все-таки видим маяк, издали мерцающий своим светом».²⁵ Летом 1902 г. снова возобновились чтения в Историческом музее, но это были уже не прежние собеседования, на которых обсуждались нужды рабочих. Во-первых, чтения не сопровождалось обсуждением прослушанного со

²⁵

Там же. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

стороны рабочих, во-вторых, сами темы не касались быта рабочих. Главное внимание в программе уделялось религиозно-нравственному воспитанию и образованию. Рабочие должны были изучать догматическое и нравственное богословие, богослужение, историю церкви, жития святых. Однако, несмотря на то, что главное внимание организаторы обращали на отвлечение рабочих от революционной пропаганды путем проведения культурно-воспитательных мероприятий, вскоре они, под давлением снизу, были вынуждены вернуться к экономической деятельности. На имя министра внутренних дел стали поступать жалобы фабрикантов, обеспокоенных напором деятельности обществ взаимопомощи рабочих. Главное их недовольство заключалось в том, что путем угроз и давления Совет нарушает нормы фабрично-заводского законодательства и вмешивается в их собственную сферу. Вследствие жалоб фабрикантов министр внутренних дел В.К. Плеве распорядился «до выяснения и окончательного разрешения возбужденного вопроса, сделать распоряжение о приостановке всякой деятельности Совета рабочих». Комиссия по устройству общеобразовательных чтений в фабрично-заводской среде поспешила откеститься от деятельности рабочих обществ, а также лекций, прочитанных преподавателями Московского университета в период до 1902 г.²⁶ В целях предупреждения возможных волнений в ответ на неоднозначные решения В.К. Плеве, был издан закон об учреждении старост в промышленных предприятиях. Этот закон был введен в действие с 10 июня 1903 г., практически сразу после того, как Департамент полиции перестал финансировать общества взаимопомощи. Суть закона состояла в том, что рабочие заводов и фабрик, поделенные на разделы, выбирали себе старост, которые от их лица вступали в переговоры с управлением по разного рода вопросам. Введение закона о фабричных старостах ясно показало истинное отношение правительства к зубатовским организациям. После того, как Зубатов попал под подозрение и был сослан во Владимир, легальное рабочее движение не имело никаких шансов преодолеть кризис.

Противодействие фабрикантов, крайне недовольных вмешательством органов полиции в производственные отношения и действиями легальных обществ, представлявших интересы рабочих, повлияло на достаточно скорое прекращение опыта организации легального рабочего движения. Уже после первых конфликтов московской администрации и промышленников правительство начало постепенно преобразовывать основанные общества в образовательные кружки. Отход от первоначально провозглашенных целей деятельности рабочих обществ, повлек за собой прекращение работы профессоров политической экономии, обучавших своих подопечных азам финансового хозяйствования. Оставшись без

²⁶ Там же. Ф. 63. Д. 1090. Т. 6. Л. 120.

грамотной квалифицированной поддержки, кассы взаимопомощи и потребительные лавки были обречены на скорое разорение. Проведенная в советы секретная агентура С.В. Зубатова, осуществлявшая надзор за рабочими, после эпохального в судьбе легального движения поворота к отвлеченным знаниям, практически осталась без работы, так как после весенних событий 1902 года на мануфактуре Гужона, рабочим обществам было запрещено вступать в споры с хозяевами и организованно бороться за свои права.

Просветительский характер рабочих обществ нового образца не устраивал их членов. Советы рабочих, ранее являвшиеся представителями их интересов, с 1902 г. были лишены возможности осуществлять свою деятельность по контролю неукоснительного выполнения сторонами производственного процесса своих прав и обязанностей. Как и на протяжении всего XIX в., рабочие вновь оказались безгласными перед вопиющими случаями нарушений фабрикантами их прав. Проводившиеся лекции по широкому корпусу общеобразовательных дисциплин не могли скрыть правительственного бессилия в решении большого круга назревших проблем. Таким образом, к середине 1902 г. рабочие обществ С.В. Зубатова пришли к осознанию того, что надеждам на защиту органов полиции их прав перед самовластием и самоуправством фабрикантов, не суждено сбыться. Это осознание привело рабочих к массовому исходу из обществ взаимопомощи, которые перестали оказывать какую-либо помощь. Разочарование в правительстве, разрешающем и в то же время запрещающем борьбу пролетариата за свои права, снова сблизило их с революционерами. Обманутые в надеждах, рабочие еще более критично относились к правящей элите страны, преследующей интересы капитала и не заботящейся о рядовых тружениках. С 1904 г. общества С.В. Зубатова переживали агонию. С началом Первой Русской революции работа обществ взаимопомощи была практически парализована. Неудивительно, что большинство рабочих из московских обществ взаимопомощи приняли активное участие в событиях 1905 г. и стали твердой опорой революционеров в достижении антиправительственных целей.

В то же время легальное рабочее движение имело немало внутренних проблем. На заре основания обществ взаимопомощи замыслу Зубатова очень мешали разногласия с обер-полицмейстером Д.Ф. Треповым, который выражал недовольство рядом вопросов. Необходимость учитывать противоречивый и непредсказуемый характер Трепова ставила перед начальником Московского охранного отделения немало препятствий в реализации задуманного проекта. Кроме того, финансирование Департаментом полиции охранных отделений было совсем не на должном уровне, что затрудняло розыскную работу и подрывало моральный дух сотрудников.

Слабой стороной политики Зубатова в рабочем вопросе можно назвать отбор кадров для проведения легализации рабочего движения. Основываясь на своем чутье и умении разбираться в людях, Зубатов нередко доверял тем рабочим, которые в дальнейшем его подводили. Интеллектуальное и психологическое превосходство начальника Московского охранного отделения над допрашиваемыми рабочими рождало в нем некую иллюзию легкости переубеждения. Знаменитые «разговоры за чашкой чая» не могли быть достаточным основанием для приема бывшего революционера в секретные сотрудники. Результатом стало то, что секретные сотрудники «зубатовского призыва», оставшиеся без контроля и получившие возможность для самостоятельных действий, нередко занимались самоуправством, вредящем общей пользе дела. В Одессе авантюрист Шаевич использовал свои полномочия для того, чтобы максимально «раскачать лодку», в Минске легальное рабочее движение слишком сильно зависело от эмоций Вильбушевич, а в Москве, где подбор кадров был наиболее выверен, председатель общества ткачей Жилкин был смещен из-за пьянства и казнокрадства. Все это красноречиво свидетельствовало не только об излишней самоуверенности Зубатова в тонком деле подбора секретных сотрудников, но и о недостаточном контроле за деятельностью вчерашних революционеров.

После увольнения Зубатова с должности главы Особого отдела Департамента полиции легальная организация рабочих осталась без непосредственного руководства. Именно на это время пришлось постепенное усиление влияния священника Г. Гапона, который с присущей ему энергичностью принялся переделывать общество на свой лад. Как отмечал рабочий Кладовиков, член Собрания русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга, Гапон постарался избавиться от агентов Зубатова: «Мало-помалу, он устроил так, что совершенно сократил деятельность Соколова и тот должен был уехать из Петербурга».²⁷ Этот факт подтверждается и записками самого Гапона, писавшего об отстраненных от деятельности Общества: «Все это в основном были активные организаторы зубатовского рабочего союза в Петербурге – И.С. Соколов, В.И. Пикунов, М.А. Ушаков и М.Б. Красивский [так в тексте – С.М.]». Отъезд этих рабочих из Петербурга демонстрировал тот постулат, что у Гапона и Зубатова были совершенно разные воззрения на перспективы развития рабочего движения в стране. Несмотря на это, священник Гапон первое время пытался убедить бывшего начальника Особого отдела в обратном. В присылаемых Зубатову письмах Гапон писал, что собрания проходят в том же ритме и характере, что и при самом Зубатове. Отличительной особенностью посланий Г. Гапона было и то, что, внешне выдержанные в почтительных к Зубатову тонах, они содержали явно противоречащие его

²⁷

Там же. Ф. 63. Д. 1090. Т. 6. Л. 120.

идеям мысли. Осенью 1903 г. Гапон писал Зубатову: «Недавно, в одном из кружковых собраний, когда был поднят вопрос о вас – смело, удивительно смело и горячо выступили за вас и вашу идею ... не скрываем, что идея своеобразного рабочего движения – ваша идея, но подчеркиваем, что теперь связь с полицией порвана, что наше дело правое, открытое, что полиция может контролировать нас, но не держать на привязи».²⁸ Такие слова Гапона не могли быть восприняты Зубатовым иначе, как «опасной ересью», о чем он неоднократно писал. Не приносило ему радости и настойчивое стремление священника записать себя в последователи системы легализации. Вопрос о том, был ли Гапон штатным сотрудником Департамента полиции, остается открытым: документов о его штатном финансировании обнаружить не удалось, но в то же время известны факты нерегулярного пожалования ему определенных сумм. Зубатов писал об этом следующее: «Однажды, рабочие обратились ко мне с просьбой помочь деньгами «батюшке», так как по их наблюдениям, он, видимо, сильно нуждался. Я завел деликатно об этом речь с Гапоном, и он не отказался от ежемесячного пособия в 100 рублей».²⁹ Впоследствии выяснилось, что Гапон брал деньги у различных представителей Департамента полиции. Такая линия поведения выдавала в нем авантюриста, что в полной мере проявилось в событиях 9 января 1905 г. Таким образом, «поп Гапон» работал на себя, а не на Департамент полиции. Признать человека агентом сыскных органов после его собственных заявлений о том, что связь с полицией должна быть разорвана, не представляется возможным. В то же время непонятно, что мешало Зубатову предъявить руководству полиции письма Гапона, как серьезное доказательство преступности его намерений. Возможно, в нем говорила обида на несправедливое увольнение.

Глава 4. Легальное движение в рабочей среде Минска и Одессы. В главе анализируется деятельность Независимой Еврейской Рабочей Партии (НЕРП) в Минске и Одессе. Эта партия явилась аналогом обществ взаимопомощи в Москве. Руководители НЕРП были агентами начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова. Первое время НЕРП считалась нелегальной, так как официального разрешения от Министерства внутренних дел на легализацию ее деятельности еще не было. Представители Минского ГЖУ направили в Департамент полиции донесение следующего содержания: «Совершенно агентурным путем мною получены указания, что в последнее время в городе Минске образовался подпольный кружок – Еврейская Независимая Рабочая Партия».³⁰ С появлением в городе НЕРП стачки рабочих начали заканчиваться желательным исходом. Как и в Москве, меры, предпринимаемые начальником минского ГЖУ Н.В. Васильевым и НЕРП, вызвали

²⁸ Зубатов С.В. «Зубатовщина» // Былое. № 4. 1917. С. 170

²⁹ Там же. С. 169.

³⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 62.

сильное недовольство со стороны фабрично-заводского управления. Нелегальный характер НЕРП объяснялся тем, что Департамент полиции наблюдал, каких успехов новообращенные агенты добьются без помощи его сил. Минские рабочие гораздо интенсивнее московских организовывались в легальные общества и союзы. Распространение идей С.В. Зубатова в Юго-Западном крае шло гораздо интенсивнее, чем в Центральной части России, так как вдали от столицы, где власти не могли «под микроскопом» рассматривать деятельность рабочих обществ, условия более благоприятствовали легализации. Стоит заметить, что первые успехи независимцев предопределили дальнейшие провалы. Как и в Москве, лидеры НЕРП пренебрегли возможностью попытаться договориться с представителями фабричного и заводского руководства еще до начала опытов с рабочими.

Минск почти полностью повторил опыт Москвы по организации легального рабочего движения: конфликты с фабрикантами, недопонимание местных властей, стачки рабочих, состоящих в НЕРП. Следует заметить, что НЕРП провела в Минске довольно успешную работу по дискредитации в глазах общественности оппозиционного союза «Бунд». Деятельность независимцев настроила против их партии и фабрикантов, и революционеров, которые были одинаково заинтересованы в ее ликвидации. Превратное истолкование промышленниками деятельности НЕРП в жалобах на имя министра финансов С.Ю. Витте, отсутствие контроля в отношении минских агентов со стороны Московского охранного отделения работы, чрезмерный упор агентов на стачечные методы борьбы за права рабочих явились причинами неудачи опыта легализации в Минске. Кроме того, агрессивный характер воплощения системы С.В. Зубатова в жизнь не мог быть поддержан центральными властями после серии скандалов, связанных с инцидентом вокруг мануфактуры Гужона.

Деятельность НЕРП в Одессе и инициативы агента Зубатова Г. Шаевича стали одной из причин масштабной июльской стачки в Одессе 1903 г. Одесская стачка, повлекшая за собой цепную реакцию забастовочного движения в городах южной части России, началась с рядовой стачки на заводе Рестеля. Выдвинутые рабочими, по согласованию с НЕРП, не особенно серьезные требования (вежливое обращение с рабочими, своевременная подача гудка и т.д.) резко контрастировали с принципиальностью бастующих. Насильственный характер проведения забастовок под прикрытием лозунгов НЕРП свидетельствует о том, что история на заводе Рестеля имела свойства спланированной акции, направленной на дестабилизацию обстановки в городе.

Нечеткость и непроработанность многих пунктов программы и партии, неосведомленность С.В. Зубатова в специфике еврейского рабочего движения, недостаточный контроль из центра определили определенную стихийность и самостийность

развития легальных организаций Минска. Отданные целиком и полностью на откуп бесконтрольным агентам Департамента полиции, рабочие общества стали, соответственно с их представлениями о методах борьбы, осуществлять свою деятельность. Стачки и забастовки ещё более отдалили легальные рабочие организации от чаемого идеала и превратили фабрикантов в злейших врагов движений. Безуспешные попытки сторон производственного процесса договориться ни к чему не привели и повлекли за собой вмешательство центральной власти, выразившееся в ликвидации НЕРП летом 1903 г., когда юг России был охвачен серьезным революционным брожением.

Легальное движение в Одессе подписало приговор политике Департамента полиции в рабочем вопросе, основанной на методах С.В. Зубатова. Проводившееся здесь по предложению градоначальника Шувалова, искренно сочувствующего работе начальника Московского охранного отделения, оно также не избежало ошибок, допускаясь его лидерами в Москве и Минске. Помимо всего прочего, НЕРП в Одессе возглавил Г. Шаевич, явно сочувствующий революционным партиям и делавшим все возможное для того, чтобы легальные общества рабочих встали на путь насильственного воздействия на фабрикантов. Полное доверие С.В. Зубатова к играющему на нескольких досках агенту, явилось роковой ошибкой для него и его системы.

Глава 5. Последствия политики С.В. Зубатова: легализация рабочего движения в оценке представителей государственного аппарата. Последняя глава посвящена отзывам представителей государственного аппарата и сотрудников Департамента полиции о легализации рабочего движения, а также обстоятельствам увольнения С.В. Зубатова из Особого отдела.

Парализация работы промышленных предприятий городов юга России, широкое забастовочное движение лета 1903 г. связывались в правительственных кругах с деятельностью рабочих обществ С.В. Зубатова. Интрига, предпринятая им для смещения с должности министра внутренних дел В.К Плева, проводившего затруднявший легализацию рабочего движения курс, восстановило министра против главы Особого отдела. Таким образом, летом 1903 г. С.В. Зубатов оказался в полной политической изоляции, ускорившей его отставку и высылку. Презираемый коллегами «по цеху», недовольными структурной перестройкой Департамента полиции, ненавидимый революционными силами за успешное проведение в жизнь новаторских розыскных методов, не нашедший сторонников ни в Министерстве финансов, ни в Министерстве внутренних дел С.В. Зубатов и его проекты остались не востребованными. Этот факт говорил о том, что в высших правительственных сферах не было готовности проводить цельную и активную политику в рабочем вопросе.

Чиновники обращали большое внимание на ошибки и недочеты эксперимента и практически не учитывали его позитивные для стабилизации общественного положения стороны.

Воспоминания современников о С.В. Зубатове и его методах работы проливают свет на отношение общественности к деятельности Московского охранного отделения и Особого отдела Департамента полиции. Сформировавшиеся под влиянием государственной политики, отзывов в прессе, идеологических оценок различных партий – оценки мемуаристов очень точно характеризуют условия, в которых приходилось осуществлять легализацию рабочего движения. Критика С.В. Зубатова со стороны С.Ю. Витте и В.И. Гурко отражает настроения, бытовавшие в первые годы XX в. во властных кругах и рождавшие недоверие ее представителей к начинаниям Департамента полиции в рабочем вопросе. Благожелательные отзывы деятелей политического сыска свидетельствуют о высоком авторитете С.В. Зубатова в полицейской среде, что было вызвано высокопрофессиональными розыскными мероприятиями, приводившими к реальным, осязаемым результатам. Гневные листовки и воспоминания революционеров, вероятно, являются лучшей похвалой и признанием достоинств эффективной работы полиции.

В то же время, почти все группы мемуаристов имели причины быть недовольными С.В. Зубатовым и его деятельностью: Министерство финансов – из-за выступлений рабочих обществ против фабрикантов, выразителем интересов которых оно являлось; Министерство внутренних дел – из-за отдельных провалов, которые бросали тень на все ведомство и ставили под удар многих чиновников, призванных осуществлять надзор за проведением политики С.В. Зубатова; губернские жандармские управления – из-за затеянной перестройки органов полиции и основания в крупных городах охранных отделений, взявших на себя их работу; революционеры – из-за успешных результатов политики легализации, на какое-то время лишивших их широкой поддержки со стороны рабочих; сами рабочие – из-за скорой ликвидации их обществ, на которые они возлагали большие надежды. Последняя накануне Первой русской революции попытка примирения рабочих и власти не удалась.

В заключении подводятся основные итоги исследования. Несмотря на упоминавшиеся просчеты и ошибки в проведении зубатовского эксперимента, легализация была безальтернативным опытом решения рабочего вопроса. Зубатов и его помощники преуспели в объединении рабочих – членов организаций взаимопомощи – вокруг общих материальных и интеллектуальных интересов. Рабочим было разрешено создавать свои потребительские лавки, а также принимать активное участие в деятельности касс взаимопомощи. Доказательством того, что меры, предпринимаемые Зубатовым, были востребованы, является высокая посещаемость лекций профессоров Московского

университета, а также охотное, особенно на первых порах, вступление рабочих в легальные общества. Предпринимавшиеся попытки создать параллельную зубатовской линии в рабочем вопросе терпели крах еще до своего воплощения в жизнь. Институт фабричных старост, губернских механиков, страхование рабочих от несчастных случаев не возымели ожидаемого эффекта. Фабричная инспекция, судя по непрекращающимся жалобам рабочих, также не отвечала потребностям времени. Быстрое сворачивание политики легализации привело к резкому разочарованию рабочих в мерах правительства относительно улучшения их положения. В создавшихся условиях они становились восприимчивыми к теориям оппозиционных партий, благодаря чему создавались условия для дестабилизации общественного положения.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. **Медведев С.В. Групповой портрет сексота. // Родина. 2009. № 12. С. 124-126. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).**
2. Медведев С.В. С.В. Зубатов и опыт легализации рабочего движения в Москве в 1901-1904 гг. // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М., 2009. Т. 2. С. 103-110.